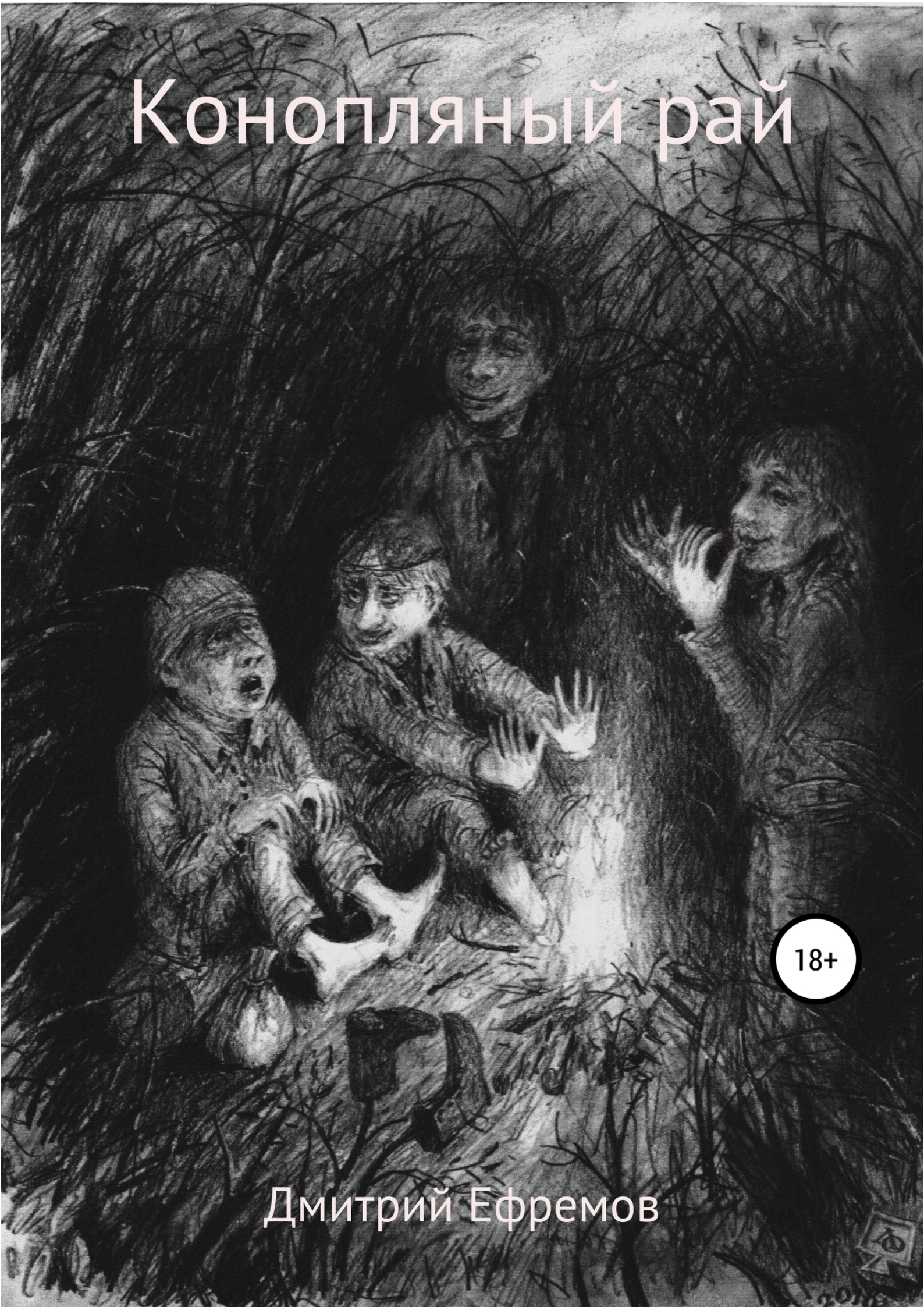

Конопляный рай

18+

Дмитрий Ефремов

Дмитрий Ефремов

Конопляный рай

«ЛитРес: Самиздат»

1997

Ефремов Д. Г.

Конопляный рай / Д. Г. Ефремов — «ЛитРес: Самиздат», 1997

Повесть о том времени, когда дети умели играть, но эта игра по особым правилам, на грани жизни и смерти, где герои уже не дети, но ещё не взрослые, и готовы идти войной на мир, который их взрастил и воспитал. "Конопляный рай" - это не только заброшенная нанайская деревня посреди нетронутой тайги, куда вели невидимые тропы искателей приключений и бродяг, но и "место силы", древнее и загадочное, где встречаются добро и зло, о чём автор поймёт через много лет, осознав, что столкнулся с миром неизвестным и даже страшным...Рисунок на обложке: художник Олег Лелюх. Собственность автора.

Посвящается моему брату.

Машина лихо проносилась по крутым поворотам, выкидывая из-под тяжелых колес придорожную гальку. Окутав себя едким дымом, она карабкалась в затяжные подъемы и проваливалась в такие же бесконечные спуски. Володька, водитель КамАЗа, уверенно ведет своего «малыша» по хорошо знакомой дороге.

Не так часто задумываешься о том, что же такое дорога. Скорее всего, это общее понятие. Дорога жизни, дорога в будущее, да мало ли у человека дорог. А Володька говорит по-своему – трасса, и не вкладывает, как мне кажется, в это слово никакого особого смысла.

Знаю я Володьку всего сутки. Невысокий парень приятной наружности, приветливый, легко смотрит в глаза и улыбается. Он уверенно рулит. Руки у него крепкие, с закатанными рукавами, на правой руке из-под рубашки проглядывает наколка, наверное, с армии. Странно, но я тоже мечтал в армии что-нибудь «нарисовать», но руки не дошли, и слава богу.

Володька перевозит мои вещи и меня на новое место. Я переезжаю. Кто-то сказал, что один переезд равен двум пожарам. Похоже на правду. А может, я сам это придумал? Вообще-то, у меня это уже второй переезд, и мало приятного, срываться с насиженного места, оставлять друзей, часть себя в погоне за лучшей жизнью. Я пока не знаю, прав ли в своём решении, наверное, время покажет. А пока, все мои мысли заняты дорогой, и лишь Володькины короткие рассказы отвлекают меня от окна. Незаметно, я пытаюсь разглядеть рисунок на его руке.

– Нравится? – без всякого смущения спрашивает Володька. — На службе дело было. Дурак. Теперь вот на всю жизнь.

Длинный шестиметровый кузов набит доверху моим добром. Ухабы, резкие повороты, наверное, превратят его в салат, а грязь и пыль хорошо сдобрят его в дороге. Я уже свыкся с этой мыслью, но иногда все же поглядываю в заднее стекло: есть вещи, которые мне дороги. Жаль будет, если дорога их испортит.

Уходящая вперед лента завораживает. Быстро пролетают редкие поселки, люди словно застывают за окном нашей кабины, оставаясь далеко позади. У них своя жизнь, свои проблемы, и что им до нас.

Володя ругается, посылая тысячу проклятий в адрес рулевого управления.

– Тяги ни к черту. Совсем разболтались, – словно оправдывается он, закуривая очередную сигарету. Устранить в дороге такую неполадку нелегко, да и время дорого. – Ничего, – успокаивает он, – как-нибудь дотянем. На трассе в беде не оставят.

У Володьки, и вправду, приятная улыбка, как-то располагающая. Может из-за усов? Хорошие у Володьки усы, не сказать что большие, но с ними он кажется надёжным, таким парням почему-то хочется доверять. Лицо у Володьки мягкое, круглое, как мячик. На вид он моего возраста. С ним легко.

Не заметили, как скатилось солнце. Сквозь вершины деревьев оно словно бежит за нами, касаясь своими огненными краями сопков. Горы красивые, воздушные, и как будто прозрачные. Столпившиеся у дороги кедры уже завесили нас плотной тенью. Мрачно. Мимо проносятся такие же большегрузы, обстреливая кабину мелкой дробью камней. Кто-то уже включил габаритные огни. Так спокойнее. Иногда они сигналият фарами. Володька улыбается и отвечает тем же. На сотни километров ни души. Я представляю нашу машину с высоты. Она как муравей среди травы, ползущая по тоненькой извилистой ленточке букашка. Эта мысль до глубины души волнует меня, однако маленький «мир» Вовкиной кабины, обклеенный приветливыми девчонками, отвлекает от нелепых мыслей и успокаивает. В кабине тепло и уютно, как дома. Впрочем, на предстоящие сутки это и есть мой дом. Чтобы не спать, задаю разные глупые вопросы. Непросто с незнакомым человеком в одной упряжке.

– А вдруг сломается в дороге?

Володька смотрит на меня. На каждый вопрос он всегда поворачивается и долго смотрит, забыв о дороге, словно машина – трамвай и идёт по рельсам сама.

– Всяко бывает. Трасса. Иной раз и без лобового стекла приезжаешь. Ладно, летом, а зимой!.. Зимой без стекла худо.

Я делаю умное лицо, киваю, мол, понятно.

... – А что зимой... Дальше едешь. Варежки надел, и вперед. Не стоять же. Замерзнешь – остановишься. Соляры сольешь – факелок соорудишь. Руки погрел и дальше.

– Володька посмеивается, словно дело пустяковое – в магазин через дорогу сбегать.

Когда появляется встречная машина, он переключается на ближний свет. Ругается, на чем свет стоит, если пролетевшая мимо машина не делает этого.

– Чтоб твоя тёща сто лет прожила, – недовольно ворчит Володька в адрес негодяя. – Думаешь, мне его дальний мешает? Бровку видать, и ладно. Мешает, конечно, но это ерунда. За рулём надо думать только о дороге. А он размечтается или еще хуже – уснет за баранкой. А когда мигнул, переключился, ясно – не спит. Знаешь, сколько таких мечтателей лбами встретились. Если в этот раз не увидели аварии, считай, повезло.

Про «дальний» я как-то не думал раньше. Мудро и просто. Да и куда мне, ведь это мое первое путешествие на колесах. Хотя про аварии я от своих друзей кое-что слышал.

Володька начал зевать и заразил этим меня.

– Самое мерзкое время. Ни день, ни ночь. Держи ухо остро. Однако паря, скоро жильё, село будем проезжать.

Незаметно начинаю привыкать к его обращению – паря. Там, в деревне, где я буду жить, все так и обращаются. Паря. Особенный народ, эти Столбовские.

Без движений уже стала побаливать спина, да и задница от долгого сидения уже задубела. Привычки нет.

... – Раньше в этом месте гравийка была. Место гнусное. Вокруг болотина сплошная, мари на сто вёрст. – Володька зевает, смотрит по сторонам, вглядываясь в сумеречный пейзаж, и в который раз успокаивает меня. —Ничего, соляра есть, доедем. Дорога хорошая.

Асфальт выглядит уже далеко не новым, и на старых заплатках нас трясёт, как на стиральной доске. Я вспоминаю о своих вещах и не скрываю своего разочарования.

Вовка ухмыляется:

– Бывает во сто раз хуже, а этому асфальту всего десять лет. Сделали, конечно, ужасно, наскоряк, а нам вот мучиться.

Я задумался:

– Десять лет? А сколько же ты тогда ездешь?

Вовка почему-то смолк. Мне показалось, что он провалился куда-то. За стеклом, вокруг яркого луча света автомобильных фар уже стояла непроглядная тьма, машина послушно неслась на встречу неизвестности, а я всё ждал, когда он вернётся из своего прошлого и ответит на мой, наверное, нескромный вопрос.

– Двадцать, – с нескрываемым удивлением произнес Володька.

– Ты что, с яслей за баранкой?

– Почему с яслей? С армии. Как дембельнулся, так и верчу, наматываю мили на кардан и мчусь навстречу проводам, как там, у тетки. Я, паря, уже с двумя подругами успел развестись. Первый сын – сам скоро в армию пойдёт. Не выдерживают бабы долгих командировок. А я без дороги уже не могу. Тебе не понять, ты не ездил.

– Наверно.

– Давай-ка, учитель, чайку хлебнём, сон разгоним. Где там твой термосок? Наливай, что ли.

– Прямо на ходу?

– А куда она из колеи денется! – смеётся Володя.

Проскочили очередную деревню. В окнах домишек горит свет, разный, сквозь занавески угадываются абажуры, яркие люстры, мерцающие экраны телевизоров. Обожаю свет в окнах. Тепло на душе становится, когда видишь в незнакомых окнах свет. Странное чувство. Ты и представить не можешь, что там, в этих окнах, но почему-то на душе становится тепло, хотя, вместе с тем и тоскливо. Свой дом одновременно вспоминаю. Вовка сбросил газ и тихо покатил на нейтралке.

– Чего шуметь? Им хватает и без того. Да и дураков пьяных хватает, не заметишь, как он под колесами окажется.

– Сбивал?

– Слава богу, нет. Постучи по дереву. И сплунь три раза.

Я сидел в метре от человека, который был старше меня лет на десять, и удивлялся, все больше и больше, его спокойствию, его манере уверенно везти машину, иногда бросая руль, легкости в общении и немногословности. А машина всё катилась маленькой букашкой, освещающая впереди себя путь, среди неухоженных селений и нетронутой тайги, где уже трудно было отличить верхушки великанов кедров от неба. Но мне было спокойно и хорошо.

– Лидогу проехали, – разрушил он долгое молчание. – Еще немного потерпеть, и опять хорошая дорога пойдет. Там будет легче.

– Представляю, что значит немного.

Володька с пониманием оглядывает меня и вздыхает:

– У тебя пара привычки нет. Ты, небось, и седла настоящего не знаешь?

– В смысле? Какого седла? – не понял я.

Володька сделал удивлённое лицо и почему-то отвернулся.

– Ну, на коне ты ездил? Верхом?

До моего сознания наконец-то дошло, о каком седле говорил Володька. Я замотал головой и вздохнул. То, что имел в виду мой новый друг, казалось несбыточной мечтой.

– Ты что, на коне никогда не сидел? Деревня... – вздохнул Володька. – Край-то у нас казачий. Конь, это всё. Но ничего, какие твои годы. Ещё успеешь во вкус войти. Ладно, потерпи, скоро повеселее будет.

Я вспомнил про свое барахло, трясущееся в кузове словно горох в жестяной банке, уж ему-то все равно. После такого путешествия хоть в костер.

– Поддадим, – подбадривает меня зевающий Володька, выжимая газ из своего железного конька. – Малыш знает свое дело. Правда, малыш? – обращается он к рулю. – Все в порядке. Да, кстати, скоро будем речку проезжать, вода там – просто чудо. Вот увидишь. Надо будет остановиться обязательно.

Пошел длинный спуск, хоть и пологий, но по работе приутихшего двигателя это хорошо чувствовалось. Навстречу шла целая колонна. Володька сбросил газ, и покатился на нейтральной скорости, уже успев переключиться на ближний свет.

– Ого, настоящий караван! Долго же вас собирали. Не люблю гуртом ездить, хотя и легче. Не люблю дышать кому-то в задницу. – Вовка сжал руль еще крепче и, когда машина поравнялась с колонной, затрещал, как из пулемета, осыпая встречных мелкой дробью.

– Тра-та-та-та!

Меня это развеселило, и я присоединился к его шутке, заряжая более крупные снаряды. В такой дороге чего не сделаешь, лишь бы разогнать тоску и сон. Кто бы подумал, что этому человеку почти сорок лет. Чем больше мы ехали, тем легче мне было с ним. Он располагал к себе, крепкий, невысокий, чуть полноватый парень.

Я немного забылся, путаясь по привычке в своих мыслях по поводу переезда, запыленного барахла, как вдруг машина, прокатившись по небольшому мосту, ушла на обочину. Под

мостом проносились небольшая, но быстрая речка. В это мгновение я словно очнулся и все вспомнил. Буквально все, что было связано с этим местом.

– Чего паря задумался? – Володька хлопнул меня по плечу и, достав из бардачка пластиковую кружку, вылез из машины. Сделав несколько конвульсивных движений телом, словно его ударило током, он несколько раз присел и подпрыгнул на крепких ногах. Помахав руками в разные стороны, он спустился к воде.

– Давай, учитель. Вода остывает!

Своим «учитель» он совсем не обижал меня. Наверное, моя профессия была более значимой для него, чем я сам. Я поплелся за ним. Вокруг так ничего и не изменилось. Даже мост и шум воды под ним были теми же. Я спустился вниз, оказавшись почти под самым мостом. Его темный силуэт еще больше напомнил мне о прошлом, приблизил к деталям и мелочам, о которых я постепенно забыл, хотя кое-что не раз всплывало в памяти. Не задумываясь, я уселся на бревно, не различимое в темноте.

– Знаешь, как речка называется?

– Знаю, Даур, – не задумываясь, ответил я.

– Бывал тут, или как? – спросил Володька слегка удивившись, протягивая мне кружку с водой.

– Нет, спасибо, я с ладони.

Вода, холодная и чистая, ломила зубы. Я сделал ещё пару жадных глотков и выждал, пока в мозгах всё встало на свои места.

...– Давно. Ещё в школе учился.

– Так ты что, – удивился Володька, – конопелькой баловался, что ли?

Я улыбнулся:

– Почти.

– Но ты же говорил, что никогда не курил. Ты меня удивляешь, учитель.

Со всех сторон к нам уже летели беспощадные комары и их собратья по столу – мокрецы и мошка, нацелив свои шланчики для перекачивания крови. Мы какое-то время пытались вести с ними борьбу, дабы насладиться приятным шумом и прохладой от реки, но потом сдались. Вовка бросил окурок в воду и побежал к машине.

– Поехали, Дима! Давай в машину. Загрызли совсем, звери. Что-то уж больно лютуют они сегодня.

Машина взревела и выехала на дорогу. Захлопнув дверь, я с удовольствием почувствовал, как освободился от усталости.

– Значит, когда в школе ещё... Давай, паря, колись! Что у тебя было в этой дыре. Дорога-то долгая, длинная. А то меня что-то в сон клонит.

Володька успел сунуть голову в речку, с волос его капала вода. Я пожалел, что не сделал того же, но возвращаться было поздно.

– Да не очень-то интересно. И рассказчик я некудышний.

Ночь превратила нашу кабину в уютный и теплый домик, и, несмотря на тряску, мне было хорошо. Приборы светились в темноте зелеными огоньками, отражаясь в лобовом стекле каким-то загадочным миром. Вовкин профиль, освещенный встречными фарами, придавал мне особое чувство спокойствия и комфорта. Он был весь в работе. Я же, удобно развалившись на сиденье пассажира, медленно проваливался в бегущую мне навстречу темноту. Неожиданно яркое солнце беззаботного детства осветило мою память, разлившись мягким теплом по всему телу, и наполнив невыносимым чувством жалости к безвозвратно ушедшему прошлому. Внезапность нахлынувших чувств захлестнула меня, я напрягся, что было сил, пытаюсь удержать в себе это редкое и нестерпимо приятное чувство. Перед глазами, по другую сторону реальности, словно в зазеркалье, возник русоволосый мальчишка. Сидя на крыльце, он выжигает что-то на

небольшой фанерке увеличительным стеклом. Рядом стоит белобрысый и рослый парнишка и что-то бурно рассказывает.

Это я и мой брат.

– Демьян, кончай жмотиться! Всего три рубля. Отдам, честно говорю. У тебя есть, я знаю, – напирает Пашка. Он недовольно сжимает губы и морщит тяжёлый лоб. Пашка на голову выше своего брата и смотрит на него сверху.

– Нету. Не дам. Ты мне уже больше десяти рублей должен.

– Ну, как раз и отдам. Сразу все. Одиннадцать, – Пашка смотрит честными глазами, словно преданный пес, только что хвостом не машет, пытаясь разжалобить брата. Но тот не сдается.

– Сказал, нет. Я же сказал тебе! – психует Дима и бросает своё занятие.

– Ну, ты чо! – словно отвечает на вызов Пашка, ещё плотнее сжимая свои мясистые губы и хмура брови. Лицо его вмиг изменилось, лоб напрягся, глаза, большие и голубые, словно вылезли из орбит. От напряжения на толстой шее вздулись вены. – К нему же по-братски, а он как последний жмот! – обиженно забасил Пашка, трясая своим соломенным чубом. Ища поддержки у друзей, он деланно, по актёрски развёл свои длинные руки, обращаясь к публике:

– Ну, хоть вы ему скажите, пацаны. Он меня не слышит.

Пока Пашка вёл переговоры с братом, дружки стояли у калитки, подпирая старые берёзовые столбики. Остапов Андрей, которого все звали просто Остап – худой, даже тощий, сотканый из одних жил, с длинными патлами, и Кася, наоборот, коренастый, коротко стриженный, одетый, не смотря на жару, в свитер и потертые добела джинсы. Наблюдая со стороны разговор братьев, дружки едва сдерживали смех, пытаясь при этом остаться безучастными. Под ногами валялся рюкзак, набитый каким-то тряпьем. По их внешнему волнению Димка догадывался, что они куда-то намылились. Ему, конечно, было интересно, куда эта тройка могла сорваться, но понимая, что любопытство может стоить тех самых денег, которых домогался брат, Дима делал вид, что его это не касается. Из рюкзака выглядывало рукоятка небольшого топора, и значит, они могли поехать на рыбалку, но удочек почему-то не было.

– Да ладно, Димыч, не жмись. У тебя же есть деньги. Мы же вернем, в натуре. Нам правда на билет не хватает, – влез в разговор Кася. Он хитро улыбнулся своими узенькими глазками, украшенными хорошими фингалами на оба глаза, не упуская любой возможности втереться в доверие упрямого Димки. Оба его глаза узкими щелочками едва проглядывали из-под заплывших бровей, но их озорной блеск выказывал неунывающий весёлый нрав, и как-то даже притягивал.

Кася регулярно попадал в разные передряги, вынося из них не только синяки и опухшие губы, но и очередную порцию жизненного опыта, жизнь в нём всегда была ключом. В этот последний раз его здорово отлупили у «стекляшки», где всегда была в продаже «водяра». Вступив в перепалку с кем-то из местных пьяниц, он пальнул из самодельного пистолета. Такой у Каси был характер, дерзкий и рискованный. За что и был бит. Правда, «грим» его мало волновал, он любил жизнь и никогда не впадал в отчаянье из-за подобных пустяков.

– Кончай Демьян жмотиться, в натуре. Я тебя уважать перестану. Дай хотя бы рублей пять. Отдам же, мопед свой продам, и верну.

– Какой мопед? Который ты Фантомасу продал?

Кася заговорщицки переглядывается с дружками, словно выискивая в их участливых взглядах нужные для убеждения слова.

– Да я не продал его, так дал, на время. Захочу, хоть сейчас заберу. Пошли прямо сейчас, он все равно не умеет кататься.

– Так и я не могу.

– А мы научим, правда, Пашок?

– Да запросто! Я для брата ничего не пожалею. Пошли к Фантомасу, – засуетился Пашка.

– Пашок ты чокнулся? У нас же времени в обрез, а мы пойдем по слободке Фантомаса искать, – быстро сориентировался Кася.

Димка сжал зубы, зная, что Кася как репей, не отлипнет. Брат в это время умолк, переваривая очередную головоломку. Он как будто менял декорацию, наверное, осознавая свою бесполезность в данную минуту, и лишь изредка, мотал своим соломенным чубом. У Остапа все это время было лицо младенца, оказавшегося в чужой коляске. Андрей едва сдерживал смех и не находил дела своим длинным и жилистым рукам.

– Обана, Димон... – Кася вдруг сделал паузу, что-то обдумывая в своей темной и вечно нечесаной голове. В узких маленьких глазках снова блеснула искра. На мгновение Кася умолк и хитро переглянулся с друзьями. – А не слабо тебе поехать с нами? В натуре, чего ты будешь дома сидеть, мамкиной юбкой сопли вытирать? Поход у вас закончился, а лето проходит. Скоро в школу. – Касю уже распирало от импровизации, но напирал он постепенно и осторожно, затрагивая нужные Димкины струны. В отличие от него, сияющего от удовольствия пришедшей в голову идеи, лица дружков стали вытягиваться. – Знаешь, куда мы едем?

– Догадываюсь, не дурак. За дурью вы едете.

– Пашок, ты понял! Ты секи, какой у тебя брат догадливый. Я бы в жизнь не догадался, а он по одному топору понял, куда мы едем. – Пацаны прыснули от смеха, но Кася продолжал оставаться важным и сосредоточенным. – Да я не об этом. Я шучу. Любой дурак поймёт, что мы не за грибами собрались. Вот ты спортсмен Дима. Типа бегаешь на перегонки, на лодках плывёте. Ништячки, в общем, мускулишки качаете, не курите. А вот попробуй с нами потягаться. В натуре говорю. Со мной, с Андрюхой. Ты знаешь, сколько он раз может подтянуться?

– Знаю, сорок раз. Ты то тут при чём? – не сдавался Дима.

– Да забудь ты про меня. Ты в лесу был? Настоящем лесу. Там, между прочим, дорога, двадцать км по тайге. Ты такой не видел, за базар отвечаю. Представь, что ты типа зелёный берет, диверсант, без оружия, с одним ножом, в тайгу заброшен. Я читал Про одного американского зелёного берета. Джон Грин неприкасаемый. Его без всего забрасывали в джунгли, и он там выживал. Так сможешь? Мы будем своим делом заниматься, а ты сам по себе. Хочешь – тренируйся, по деревьям лазай. Там есть кедры, высотой с девятиэтажку. До середины залезешь, и поджилки трястись начинают. А хочешь – рыбу лови. Там кеты сейчас навалом. Пашок, докажи!

– Да гадом буду, Кася не врет. И Остап не даст соврать, правда, Андрюха? – затараторил Пашка на манер блатного.

Услышав свое имя, Остап закивал головой и заулыбался.

– Это тебе не занюханый поход на «зеленку». Думаешь, не знаю, чем вы там занимаетесь со своей секцией? – продолжал напирать Кася. – По песочку бегаете вокруг острова, да в мячик с девками играете. Как в детском саду. Ваш поход – занятие для сопливых маменькиных сынков. Остап, конечно, не в счёт. А у нас! Настоящая тайга. Представь... Кроме тебя на сто километров никого. Попробуй выжить? Это я понимаю, тренировка. Знаешь, как там красиво!

– Знаю.

– Да где тебе знать? У бабушки в деревне? Были мы у вашей бабки с Паханом. Ни фига хорошего, одни огороды и коровы. А тут – настоящая тайга, звери... Кедры выше подъёмного крана.

На глазах у опешивших друзей, Кася стал так живописно излагать все фантастические удовольствия предстоящего путешествия, что только глупец отказался бы ехать с ним.

– Что мне там с вами делать? Я что, псих, кормить комаров, – уже не так уверенно возражал Димка. Но упрямый Кася продолжал напирать, чувствуя, что нащупал слабое место. Это был настоящий психолог. Кася был настойчивым и хитрым:

– Ты вот, Димка, спортсмен. Да? Ну, скажи, ты спортсмен?

– Ну, – промычал Димка, не понимая, куда теперь клонит Кася.

- А я, конечно же, не спортсмен. Не тренируюсь, курю, бухаю и всё такое. Ведь так?
- Отвали!
- Ну, скажи, я бухаю?
- Ну, бухаешь. Да что ты пристал ко мне?
- Ага! Все слышали? Значит, я должен быть слабее тебя? Ты же не куришь? Ведь так?
- Ну и что с того? Остап тоже курит.
- Не, Андрюха не в счёт. Мы про нас с тобой базарим. Ты и я. Вот давай проверим, у

кого ноги сильнее.

- Нашел дурака. Я будто не знаю, что ты на спор тысячу раз присел.
- Не тысячу, а пять тысяч.
- Кася ты гонишь, – усмехается Андрей.
- Остап, кончай обламывать. Ты же не знаешь. В натуре говорю, пять тысяч раз приседал, на спор. Что, Демьян, не веришь?
- Мне без разницы.

Кася тонко, почти фальцетом, рассмеялся и стал, как пружинка, подпрыгивать на месте, подтягивая свои потёртые джинсы.

– Ну чо, зассал, что ли? Вот давай, ущипни меня за ляжку. На, попробуй. – Кася уселся на крыльце и вытянул свою правую ногу, плотно обтянутую потертой штаниной. – Давай, ущипни.

Димка неуверенно попробовал ухватить пальцами за ногу, но пальцы соскользнули. Кася снова закатился своим фирменным приглушенным смехом.

- У тебя джинсы плотные, – обиженно пробурчал Димка.
- Ну, еще давай! – смеялся Кася. Его идиотский смех мог вывести кого угодно. – А теперь я тебя. Напряг?

Кася с силой ущипнул за ногу так, что Димке на секунду показалось, что это не пальцы, а плоскогубцы.

- Больно же! – вскрикнул от неожиданности Димка.

Вся толпа дружно рассмеялась.

- Ничему вас в вашей коцаной секции не научат.

– Напрасно ты Касек так, – взъелся Андрей. – Нормальная секция. Шурик – ништяк мужик. Я бы, например, не ушел, если бы он мне пинка не влепил при всех. Хотя сам виноват был, за дело наказал. Курили в раздевалке.

– Да ладно, Остап. Я против Палыча тоже ничего не имею. Хотя задница и у меня до сих пор болит, – ретировался Кася и снова закатился тонким смехом.

Димка потрогал больное место и неуверенно спросил:

- А какая рыба там водится?

– Да любая. – Кася встрепенулся, подмигнув друзьям. – Таймень, хариус... Я прошлый раз штанами кетину поймал. Едва поднял.

- Да ты гонишь, Кася! Ты хоть нас за дураков не держи.

– Кончай Андрюха обламывать. Ты же не видел.

– Да гонишь ты, штанами нельзя кетину поймать! – продолжает настаивать наивный Остап, но Кася уже не слышит его.

– Ну что, Диман, соглашайся. Времени в обрез. Надо ещё жорева собрать, и билеты успеть купить, – не обращая внимания на дружков, напирал Кася. – Ты когда-нибудь ездил за триста километров на автобусе? Прикинь, в сторону Комсомольска. Там настоящая тайга, вокруг за сто километров никого, и ты как индейский вождь Зоркий сокол, охотишься на дикого енота...

Дружки уже едва сдерживают смех, но Дима стоит растерянный, под впечатлением красочного рассказа.

... – Ну что, по рукам? Всё, решено, ты с нами. Давай, тогда Диман, сбегай в стекляшку за хлебом. Только быстро. Ты же спортсмен. Через час автобус, опаздываем, – сделал хитрый ход Кася.

– Вот уж нет. За хлебом сами бегите, а мне тогда надо снасти приготовить.

– Пашок, дело за тобой. Диман снасти собирает, а ты давай, в магазин быстренько. Братан прав, руками рыбы много не наловишь.

– А чо ты, Кася, раскомандовался!? – заартачился Пашка, прищуривая оба глаза. – Вот бы и слетал сам за хлебом.

– Да ты в уме, Пашок!? Меня там только и ждут. Эти уроды с самого утра у магазина ошиваются. Хватит мне и этих синяков.

– Всегда ты, Касинский, отмажешься!

– Не гони, Пашок. Нам с Андрюхой еще картошки нарыть надо. Картошки-то вообще нет. И курица не забудь купить, если останутся деньги.

– Сам знаю! Учишь...

Кася поставил точку в нужном месте и вовремя. Пашка летел в магазин, а Остап уже встряхивал кусты в чужом огороде, хотя свой был неподалёку.

Дорога на автовокзал была все время в горку, и Дима, тащивший туго набитый рюкзак, с трудом поспедал за командой. Остап легко шел впереди, будто за плечами его была не сумка, набитая доверху хлебом, а крылья. За ним вышагивал Кася и что-то на ходу «травил» другу. Пашка плелся далеко позади, подбадривая себя какими-то нелепыми репликами в адрес товарищей.

– Ты понял, Касинский, какой у меня брат! – едва ли не кричал Пашка. – Я все истрочу на курицу, а братка сохранит и умножит. На кино у мамки попросит, а сам не идёт. В копилочку положит. У него как в английском банке.

– В швейцарском.

– Не учи меня. Сам знаю. У него банк. Крысятник, – уже тише и с тоской в глазах закончил тираду Пашка.

– Пашок, завязывай пацана обижать. – Возражал Кася. – Чё ты на брата бочку катишь! Что бы мы без него делали, если бы у него своей нычки не было? А может, раздумаешь, Димыч? Ещё не поздно. Дома хорошо, тепло, уютно. Мамка каши манной наварит. Помидоры будешь поливать... – Явно провоцировал Кася, понимая, что новый член команды может стать обузой в предстоящем путешествии.

Димка молча прошагал мимо, только сверкнув своими зелеными глазами, отчего Пашка вспыхнул.

– Ну, чё ты надулся? Загордынь что ли ответить другу? Ему скажешь чё, а он молчит. – То ли от обиды, а может, от тяжести своей ноши, Пашка покраснел. – И вот всегда так! Спросишь, и бесполезно. Молчит, как партизан.

– Да кончай, Пашок, дуру гнать. Чё ты брата обижаешь? Пусть молчит, может ему так удобно. Может он уже думает, как рыбу будет ловить. Может ему с тобой не интересно, – продолжал подыгрывать Димке Кася.

– Ага. Он сам кого хочешь обидит. Он же упырь!

Дима уже догнал Остапа и о чем-то с ним разговаривал, легко переступая через лужи.

– Спортсмены, – с язвочкой прокомментировал Пашка.

– Ты, Пашок, не врубаешься. Андрюха, между прочим, лучше всех в школе бегал. Он в седьмом всех десятиклассников, как пацанов, делал. А в футбол... Знаешь, как он пенки мочит! Хрен удержишь. Он все поле перебивает мячом.

– Да чё я, не знаю, что ли. Зато сейчас вон, скурился.

– А ты не лучше.

– Да я, если захочу, брошу и буду вместе с братом спортом заниматься, – Пашка уже ехидничал, имитируя спортивную ходьбу.

С трудом заполучив билеты, Кася кое-как вылез из толпы, плотно осадившей небольшое окошко.

– Какой бессовестный! – не выдержав, закричала толстая тётка с баулом в руках.

– Ладно, мамаша, – тряпки свои не проворонь.

– Где ты ворону увидел? Ну и молодёжь пошла! Хамьё одно.

– Сопляк! – сыпалось в адрес пронырливого Каси. Тот в долгу не оставался, и только подливал масла в огонь своими колючими репликами.

– Мне, между прочим, по закону без очереди положено. Молодым везде у нас дорога. Слышали?

– Ну да... Скажи ещё что ветеран труда. Откуда такие берутся? Сопляк, – тоже не унималась тётка. – Гляди-ка, тряпки... Я тебе покажу тряпки!.. Сам в тряпье, как оборванец. Жулик. Как только таких в тюрьму не садят!

– Да у них там целая банда.

– Милицию надо позвать, – подхватил мужчина пенсионного возраста, негодуя от того, что билетов может не хватить на всех.

Никто так и не понял, как Кася пролез к окошку, прикидываясь хромоножкой. От его фразы: « – Тётенька, мне четыре билетика, если можно, пожалуйста. Здесь без сдачи», народ растерялся, и в то время пока кассирша считала деньги, сам Кася нагло заглядывал всем стоящим в очереди в глаза и мило улыбался. От цифры «четыре» толпа на какое-то время остолбенела, но деньги ушли в волшебное окошечко кассы, и обратно вынырнула заветная ленточка билетов. Негодовать было поздно. Запихивая в задний карман драгоценный пропуск в автобус, Кася не скрывал улыбки и всем своим видом показывал, что вокруг него одно дурачье:

– Ну что ты, бабка, разоряешься. Я что, чемодан твой украл? Хватит тебе билета, не бойсь. А не хватит, на крышу посадят. С ветерком прокатаешься.

Стараясь не распалить толпу, уже забыв о физическом недостатке, Кася тут же смылся от греха подальше, затерявшись среди скамеек, чемоданов и людей. Оставалось поражаться пронырливости и наглости этого невзрачного на первый взгляд, но очень сообразительного и расчётливого человека. Увидев его довольным, друзья просияли.

– Ну чё?

– Чё по-китайски знаешь чё? Видали класс? Учитесь, пока дядька жив. В натуре, думал облом, – почти шёпотом заговорил Кася, прикрывая рот ладонью. – Толпа, как за колбасой. Чуть не порвали на куски за эти билеты. Учись Пахан. Пришлось на ходу басню сочинять.

– Ну и что ты наплел?

– А... Сказал, что еду к больной бабушке. Я сказал, что мы – Тимур и его команда. У нас задание от комсомольской ячейки, помогать ветеранам войны. Гы-гы! Чё ты ржешь! Там у мужика лапы, как у гориллы. Когда увидел, что я четыре билета беру, чуть не лопнул от злости. Свитер мне чуть не порвал. – Кася с удовольствием потер свои твердые ладошки о штаны. – Эх, сейчас пожрать бы чего-нибудь вкусенького. Может, пиченек в буфете купим? Ехать часов пять, а я с утра только булочку с маслом съел.

Все вдруг погрустнели, и дружно посмотрели на Димку. – Ну ты с нами, Демьян?

Насупившись, Дима молча выгреб из кармана последнюю мелочь, и высыпал в Касину ладонь.

– Толпа, живём! Здесь и на курево хватает. Ты же не в обиде, Димыч?

– Валяй. Но больше не проси. Нету.

Автобус был битком. Не было только поросят в мешках. Всюду орали маленькие дети, заглушая своих мам, небритые мужики сгоняли со своих мест молодых тёток – все готовились к дальнему путешествию в низовья Амура.

Команда тихо прошмыгнула в самый конец автобуса, устроившись на высоких задних сиденьях. Водитель, не выпуская изо рта дымящейся папиросы, подозрительно оглядел последних пассажиров, и включил скорость.

– Всё ништяк, дядя, мы на слёт, – заявил Кася, усыпляя бдительность хозяина автобуса. – Мы честно, по билетам. У нас в Лидоге туристический слет молодых краеведов, будем археологические раскопки делать.

Как по волшебной палочке, на Касином помятом свитере уже красовался пионерский галстук и комсомольский значок.

– Вы мне мозги не засирайте. Тоже мне Тимуровцы. Если что!.. Вышвырну на первой остановке. Куда едем? Слетчики-налетчики... – Водила был не малых размеров, и уверенный в своей силе и правоте, не спускал глаз с заднего салона, пока автобус выкатывался на главную дорогу.

– Мы это, к бабушке. В натуре, – съехидничал Кася, растопырив пальцы. – Да в Лидогу нам. Мы на работу едем, в рыббригаду, будем рыбу потрошить. Денежку на школьные учебники зарабатывать. Еще вопросы есть?

Видя, что больше придаться не к чему, шофёр ухмыльнулся:

– То-то я гляжу, на нанайца похож. Аж глаз не видно. Ну-ка, дай билеты гляну. Археолог, – он притормозил у обочины и почти вылез из своей кабинки. – А то я что-то проглядел вашу команду.

Кася тут же перевоплотился:

– Конечно, товарищ водитель, вот, согласно купленным билетам, занимаем самые удобные места в конце салона, – отрапортовал Кася, заглядывая водителю в глаза. – Я же показывал вам, когда мы входили. У нас всё правильно. По-пионэрски. Да мы, правда, к бабке моей едем, помогать. А это меня пчела ужалила. У меня реакция такая. Я не выношу пчелиного яда. У моего дядьки пасака.

– Ну-ну! И пасака, слёт... Мозги ты, гляжу, засирать умеешь. Смотрите мне. Если что, сразу высажу всю компанию.

Малые дети на руках, куры в клетках, собака, нервно скулившая и лезущая от страха на руки хозяина: – все ехало в одном автобусе. Пашка с Остапом устроились под самым потолком, на колесе, Кася втиснулся на самом заду, между двумя старухами-нанайками, улыбаясь своими щелочками маленьких глаз и все время ехидничая:

– А что, Пашок, в натуре, похож я на аборигена?– Кася еще больше сузил глазенки и захихикал, передразнивая тёток.

Освободив своё место мамаше с грудным ребёнком, Дима уселся в проходе на свой рюкзак и попытался успокоить нервы; билеты, дорога, автобус, окончательно доконали его. А тут ещё Касины шутки, от которых хотелось заткнуть уши, залезть в рюкзак и ничего не слышать: дружки вели себя вызывающе, и он был одним из них. Однако постепенно поведение друзей перестало волновать его, и, глядя за окно, Дима незаметно для себя расслабился. Дорога предстояла не близкой, и это ему нравилось. По рассказам Каси, он уже представлял себе место, где они будут жить, рисуя в своем воображении контуры нетронутой тайги и силуэты диких зверей. Причина, из-за которой они ехали в такую даль, его мало интересовала. Об этом он всё хорошо знал.

На слободке ещё мало кто представлял себе значение слов «конопля», «дурь» или «косяк». К пьяницам и бичам давно привыкли; слободка жила совей неприхотливой замкнутой жизнью, утопая в садах и огородах, с узенькими переулками и тесными дворами частного сектора. Огромной машиной пятиэтажного дома над всем этим зелёным раем возвышалась «стек-

ляшка», где продавали алкоголь, и где с утра и до позднего вечера толпился в ожидании свежего привоза истомившийся народ. Здесь узнавали самые свежие новости: у кого что украли, к кому ушла брошенная жена, и сколько дают в одни руки в близлежащем виноводочном магазине на вокзале. Жизнь текла своим чередом, и то, что в ней появилось новое поветрие, никого ещё не волновало.

Кася был одним из первых, кто закурил коноплю. К тому времени он уже не учился в школе, а на работу его не брали. Мать его, обременённая заботами о спивающемся муже, сама частенько злоупотребляла спиртным, и воспитанием сына давно не занималась, отчиму и вовсе, было не до Каси. На что и как он жил, – ни кому не было дела. Не смотря на это, Кася не выглядел обиженным на мир, у него водились деньги, и было много друзей и мест, где он с чистой совестью мог опустошить кастрюлю вчерашнего борща и попросить добавки; хорошо поесть для Каси было вопросом жизни и смерти. Взамен на это Кася щедро делился свежими музыкальными записями самых модных западных групп, иногда приносил даже пластинки, или как выражались дружки – диски. Где он их доставал, было большим секретом, но иногда краем уха до Димы доходило, что они были краденными. Вечерами Кася часто сидел с Пашкой, прослушивая эти диски, а заодно покуривая самокрутку, используя то время, когда мать их была на работе или на вечерних занятиях в институте. Брат быстро втянулся в Касино увлечение, а чуть позже к ним присоединился и Остап, к тому времени бросив и лыжную секцию, и футбол.

Однажды, вернувшись из шлюпочного похода, Дима увидел, как брат в компании с дружками с деловым видом накалывает на руке чайку:

– Делать тебе нечего! Потом жалеть будешь, а стереть не сможешь.

– Чё ты меня учишь! Не успел приехать и уже мораль читает! Не учи учёного! – вспыхнул Пашка. Дружки молча переглядывались и в спор братьев не вступали. Неожиданно Пашка рассвирепел:

– Тебе-то откуда знать, что мне нужно! Ты кто такой, чтобы учить меня жизни?

– Я твой брат, – тихо произнес Димка, растерявшись.

Пашка вдруг задумался.

...– Да делай что хочешь, мне всё равно. Хочешь, хоть на лбу выколи свою чайку. Будет хорошо видать, – уже через плечо бросил Димка, пожимая плечами и уходя от назревавшей ссоры. Он был на голову ниже, и конечно, не мог настаивать, хотя по традиции, за ним было слово старшего брата.

– Чё ты сказал! – забасил Пашка, хватая брата за руку.

Димка сжал кулаки и почти уперся в Пашкин лоб, в любую секунду ожидая от него атаки:

– И вообще, красной тушью наколки не делают. Все равно потом посинеет.

– А ты откуда знаешь?

– А тебе-то что, – бросил Димка. – Расплывётся, вот что.

Пашка глупо улыбнулся и развёл свои длинные руки:

– Поняли, какой у меня братка. Не успел приехать с похода, уже учит жизни. Наставляет.

А с ним не спорь, он старший.

Поведение братьев всегда оставалось загадкой для окружающих и друзей. В споры они старались не влезать, но всегда были готовы в любой момент разнять их, если дело доходило до драки.

Брат сперва скрывал про коноплю, но, как известно, шила в мешке не утаишь. Постепенно изменился его взгляд, появился необычный блеск в глазах, а потом и развязанная манера разговора. Вместе с этим поменялся и круг друзей, среди которых Кася был самым частым гостем в их доме. В отсутствии матери, раскурив «по кругу» косяк, толпа сидела на полу и под музыку «улетала». Едкий дым незаметно проникал в мозг, пацанва глупо озиралась друг на друга, и тихонько хихикала даже от вытянутого пальца. В целом этот процесс назывался –

затрчать, и толпа тихо торчала. Димка всегда отказывался, но сидеть в компании было почему-то интересно: делать свои дела, при этом слушать музыку и наблюдать. Музыка действительно была необычной, от которой иногда зашкаливало сердце, но чаще, возникал перед глазами незнакомый фантастический мир, втягивая чувствительное сознание куда-то в запредельное пространство. В такие минуты его уже несколько не удивляло, что друзья закатывают опустевшие глаза или подолгу таращатся на какой-нибудь предмет. Он и сам был на грани психического помешательства, готовый принять вожаденный окурок, но чья-то рука отводила его в сторону, оставляя Димку в плену своих безобидных фантазий и грёз.

Готовили коноплю на удивление просто. Растертую в пыль траву, очень похожую на полынь и хорошенько высушенную, забивали в папиросину, перемешав с табаком, или скручивали из газеты «козью ножку». После этого «косяк» пускали по кругу, делая по две-три затяжки. Ленивый и бессмысленный «базар» мог тянуться бесконечно. Вялые слова, порой ничего не выражающие, не провоцировали на спор, ребята просто таращились в пустоту и тихонько хихикали, извлекая из невидимого пространства едкого приторного дыма причудливые жесты рук и гримасы лица. К тому времени уже не звучала музыка, а лишь было слышно шипение звукоснимательной иглы по винилу пластинки. Потом кто-то предлагал повторить, снова чиркала спичка в полумраке задымленной комнаты, и Дима, словно очнувшись, выдёргивал себя из этого смрада и пустоты, и с полным безразличием к происходящему, оставляя брата в компании дружков, уходил бродить по слободке. Иногда он задумывался, почему это новое увлечение брата его несколько не волнует. Он, конечно же, понимал, что занятие это мерзкое, и кому как ни ему надо было повлиять на родного брата. Иногда он ловил себя на мысли, что в тайне радуется такому падению. Вместе с взрослением и забвением общих детских игр и интересов, любовь к брату постепенно переросла в неприязнь, а порой и в ненависть. Но другого дома и другого брата у него не было, и потому приходилось быть всё время рядом, и просто наблюдать, и ждать неизвестно чего.

Однажды, в очередной свой визит после долгого отсутствия, Кася показал новый способ приготовления конопки. Матери, как обычно, не было, и обстановка располагала к творчеству. Пробив через плотную ткань белой школьной рубахи сухую траву в чистый таз, Кася пальцев собрал зелёный осадок с его стенок и, поместив всё в плотную ткань и распарив всё это над кипящим чайником, плотно прижал дверью. Через пять минут зелёная пыль превратилась в твердый камушек.

– Ну, и что теперь? – недоумевал Пашка. – Сожрать ее, что ли?

– Давай щипчики, которыми ногти обстригают. Еще не всё, – успокоил Кася.

Порывшись в трюмо матери, Пашка нашел маленькие щипчики из маникюрного набора:

– Только не сломай. Мамка убьет, если узнает.

– Да не дрейфь ты. Ничего я не сделаю с твоими щипчиками. Я в курсах, у моей мамки такие же были, пока я их не сломал.

– Дай сюда.

– Да не дрейфь ты Паха. Говорю тебе, в курсе. Я бережно. – Кася стал аккуратно откусывать маленькие зернышки от куска и собирать их в ладони. На удивление, кусочки откусывались с большим трудом, выказывая большую твёрдость такого камушка. – Паха, это он от смолы такой твёрдый. Гляди, какие получились кропалики? Прикольно? Давай папиросину. Сейчас перемешиваем с табаком и вперед. До Луны можно долететь.

– И чё, – недоумевал Пашка. – Целый час возился ради каких-то кропалей.

– Дурак ты, Паха. Это же концентрированная дурь. В одном кропале – целый косяк почти. Да и хранить удобно. Сунул в коробок, и привет ментам. Давай курнем.

Потом были другие способы: химка, ацетонка, кальян: Кася изоощрялся, как мог. Он был творцом своего ремесла, завлекая друзей все больше в свое занятие. Учеба для Пашки быстро потеряла смысл, фазанку он забросил. Теперь у него была только одна проблема – деньги.

Усыпляя бдительность матери, брат всё так же собирался на учёбу, просил без зазрения совести деньги на автобус, но дорога его вела уже совсем в другую сторону. Иногда он щеголял в новых «штанах», и не трудно было догадаться, где он их доставал.

– Ты бы хоть следы от чужих прищепок загладил, – язвил Димка, играя с огнем.

Пашка, не стесняясь, рассказывал о своих ночных похождениях, от чего Дима испытывал чувство и страха, и любопытства, и стыда, но во всем этом было что-то завлекательное. Жизнь вокруг брата была ключом. Однажды тот похвалился, что за «дурь» может даже «сделать» настоящую стерео вертушку и диски. Даже мотоцикл. Остановить его могла уже только милиция.

Как ни поразительно, пропадая днём на работе, а вечером в институте, мать по-прежнему ни о чём не догадывалась. Она, конечно, знала, что он курит, но понимала, что сделать с этим одна ничего не сможет.

Половина автобуса дремала. Головы их покачивались в такт движению автобуса, то и дело встряхиваясь на ямах. В открытые рты заползали мухи и противно жужжали в поисках выхода. Одну такую муху кто-то съел в полудреме и потом долго плевался и орал на весь салон.

Кася, конечно, не унывал, комментируя друзьям все окрестные достопримечательности, ямы и повороты. Неожиданно асфальтная дорога сменилась гравийной, все разом очнулись от спячки и уткнулись в окна. Просыпаясь в жарком, запыленном салоне, люди стали зевать, и дружно полезли в сумки за припасами еды. Диме было и привычно и странно наблюдать за тем, как люди едят. Они важно разворачивали газеты и свёртки, извлекая из них скудные бутерброды. Кто-то раскладывал на коленях банки с солёными огурцами, яйцами и салом, по салону разносился запах варёной курицы, и это раздражало голодных мальчишек больше всего. Люди чавкали, запевали молоком, хрустели и облизывались, вытирая сальные пальцы о свою одежду или носовые платки. И во всём этом проглядывалась комическая, и вместе с тем, грустная картина обыденной и неприглядной человеческой жизни, в то же время вызывая нестерпимое чувство голода и досады. Всё могло быть и по иному, найдись в сумке у кого-нибудь из них парочка варёных яиц, или несколько пиченек, но ничего этого у ребят не было, от чего приходилось шмыгать носом и глотать слюнки.

Незаметно одно действие сменилось другим, и насытившиеся люди снова стали впадать в сонливое состояние и зевать. Плавный шелест колес старой колымаги ЛАЗа давно сменился треском и лязгом, мелкие камни непрестанно барабанили по днищу старого автобуса, но этот звук уже не раздражал пассажиров – половина из них спала. Когда автобус обгоняли, то в салон набивалось много пыли, окна закрывали, и через минуту кто-то уже падал в обморок от нестерпимой жары и удушья.

Кася вновь удивил своей выходкой, достав из своего бездонного рюкзака военные радионаушники. Он напялил их себе на уши, одаривая всех своей желтозубой улыбкой и делая вид, что ему всё нипочём, особенно грохот камней. На первый взгляд совершенно ненужная в дороге вещь на деле оказывалась как нельзя кстати. Эти наушники Кася выменял у какого-то солдата из соседней воинской части, и очень ими гордился. Они часто ходили по рукам, когда мальчишки под кайфом слушали музыку, но то, что они оказались в автобусе, в который раз удивило Димку. Конечно, это был фарс, и через пять минут их уже примерял Пашка. Кася был готов ко всем случаям жизни. Пойди за окном дождь, то наверное, никто не удивился бы в автобусе, если бы у Каси вдруг оказался зонтик.

Автобус продолжал монотонно рычать, а люди, сидевшие на задних сидениях, все больше покрывались едкой пылью, пробивавшейся из двигательного отсека. Кася, сидя между двумя нанайками, уже больше походил на африканца, чем на аборигена. Его язык по-прежнему не знал покоя, и было удивительно, как он мог непринуждённо общаться с незнакомыми людьми, тем более, тётками. Несмотря на свой зрелый возраст, они внимательно слушали Касю и даже

смеялись. Пашка всю дорогу описывал Остапу свои фазанские приключения, иногда пошлые, а порой просто ужасные. Сидящие рядом пассажиры уже не находили себе места, и по мере продвижения Пашкиных историй все больше краснели, не то от волнения, не то от стыда. Сам Пашка как будто не стеснялся людей, подробно описывая увлекательные детали своих подвигов. Андрей едва сдерживал смех, пряча свою физиономию в автобусном стекле. Иногда он осекал друга:

– Да ладно, Пашок. Кончай гнать, ты же сочиняешь.

– Сам ты гонишь, Остап. В натуре, говорю тебе. За базар отвечаю.

– Да гонишь.

– Да гадом буду, всё так и было. Демьян не даст соврать. Ко мне припёрлись четверо, чё по чём, хоккеей с мячом. Стоят у калитки, пальцы веером. За язык меня тянут. Типа, чё братан, за базар отвечать надо. А я перед этим в стекляшке кого-то из них послал на три буквы. Короче, говорю. Чувачок! Это ты за базаром следи! А я за свой отвечаю. А он такой мутный, в отмычку пошёл. Да я, мол, тут не при делах... Меня самого на непонятках держат. Я ему кричу, ты кончай дуру гнать, стоишь тут... не при делах, а сам из себя делового строишь. У меня сквозняк под ребром, а ты меня за базар развести хочешь. Я-то за базар отвечаю. Он, короче, сразу глазки свои поросячие в сторону, типа, я случайно мимо проходил. А потом этот, распальцованный... да ты знаешь его. Кричит мне. Да ты, типа, кто тут есть? Бочку покати на меня. Наколками своими думал напугать. Я ему кричу, ты чё мол, без очереди мычишь, бычара. Тебе вообще слова не давали. Сейчас твои рога обломаю и в жопу тебе засуну. Короче, они с базара съехали... Да чё ты Кася угораешь? В натуре говорю.

С выкаченными глазами и растопыренными пальцами, один из которых украшал синий наколотый перстень, брат больше походил на заправского урку, чем на подростка, но смотреть на него, рослого и бесшабашного, Димке было почему-то приятно: от поведения дружков его все больше расковывало. Кто-то из пассажиров попытался заткнуть Пашке рот, и когда брат в ответ на это выпучил глаза и сделал бульдожьей рожу, Димка не смог сдержаться от восторга. Брат чувствовал поддержку друзей, и без труда поставил на место уже взрослого парня. Наверно, в компании Пашка был тем бревном, которым когда-то ломали крепостные ворота. Иногда за его хамство приходилось краснеть. В такие минуты Димка жалел, что ввязался в эту авантюру, присоединившись к этой компании. Ему скорее хотелось вылезти из автобуса и уже не выглядеть белой вороной.

Местность, по которой они проезжали, менялась незаметно, в основном дорога проходила среди леса. Очень длинные подъемы переходили плавно в спуски. Тогда автобус откашливался и, сделав перегазовку, катился дальше, накручивая версты на старые колеса. Потом потянулись мари – огромные выгоревшие пространства с черными иголками обуглившихся деревьев. Картина выглядела удручающей – горельники простирались на десятки километров и уже успели зарости невысоким пушком зеленых деревьев: природа залечивала свои раны, но это происходило очень медленно. Люди молча смотрели потупившимися взорами на зловещую картину и вздыхали.

Где-то на горизонте возвышались прозрачные синие горы. Они разбавляли дикий пейзаж, привлекая внимание людей своей голубизной.

– Что, Димик, загрустил? Скоро приедем. – Кася снял галстук, но значок продолжал висеть на почерневшем, как кирзовый сапог, свитере. – О! Пашок! Сейчас пойдет спуск. Потом болото. Прикинь Пахан, я там лося видел. Да правду говорю. Вон в той рёлке стоял. А когда переедем речку, все, считай, приехали.

– Я в курсе, Кася. Мама писала про лося.

Пашка не любил, когда его держали за дурака, и принижали значимость его личности. В большинстве случаев это касалось отношений его и Каси. Но после слов друга он оживился и стал приводить в порядок свои вещи.

– Остап! Да проснись ты, скотина! Всё. Приехали. Вылазь из автобуса!

Ещё не успев толком прийти в себя от сна, Андрей резко вскочил, воткнувшись головой в крышу автобуса.

– Ну, Пахан! Подкатишь еще! – обиженно погрозил Андрей, глупо улыбаясь всему салону.

Пашка с Касей даже не смеялись, они закатились, еще больше разозлив толпу.

– Эй! – уже как у себя дома окликнул Кася, щелкая пальцем. – Командир, притормози. Нам сейчас выходить.

Но водитель даже не глянул в зеркало, продолжая катить по дороге:

– У меня нет здесь остановки. У вас билеты до Лидоги, вот и сидите, – пробасил шофер. – А там валите, куда хотите. Хоть к чертовой бабушке на пасеку.

Детина, каких ещё было поискать, с загорелой шеей и по локоть закатанными рукавами, ухмыльнулся, уверенно разгоняя машину перед подъемом. Спорить было бесполезно. Пашка в недоумении завертел головой, щёки его покраснели, а на шее проступили шнурки синих вен.

– Ну-ка, ты, тормози, кому сказано, – деланно пробасил Пашка, до отказа выпучив свои и без того большие глаза, на что шофёр даже не пошевелил головой; он и не собирался останавливаться. Но Кася так просто не сдавался. Подойдя к задней двери, он согнулся в три погибели, изображая из себя человека, который ищет туалет в многолюдном месте.

– Пацаны, скажите ему. Я уже терпеть не могу, – зашипел он, скорчив такую гримасу, от которой и у статуи потекли бы слёзы жалости.

Тётки, сидевшие на заднем сиденье, переполошились и стали отползать подальше от него.

– Пашок! – прошипел Кася. – Скажи ему, что я уже не могу терпеть. Мне уже невтерпёж, я в натуре писать хочу. – Кася задергал коленками и запрыгал с ноги на ногу. – Да скажите вы ему! – уже громко заорал Кася, ища сострадания в лицах у пассажиров. – Он чё как зверь, в натуре.

От такой картины Димка едва не прыснул. Опустив голову, он сделал вид, что потерял что-то на полу. Остап тоже едва сдерживал себя, и прятал лицо в ладонях, его буквально разрывало от смеха и стыда, в то время как Пашка хлопал глазами, словно не соображал ничего.

– Эй!.. Дяденька... Так же не честно. – Кася уже чуть не плакал. Он действительно плакал. По щекам катились самые настоящие слезы, оставляя беленькие полоски на почерневшей от пыли физиономии. – Я правда сейчас описуюсь. – Кася зашипел сквозь зубы, конвульсивно дёргая коленями, и стал ковыряться пальцами в штанах в поисках ширинки, чтобы пристроиться к двери.

– Ты чё, пацан! Ты чего там удумал? Ты что там делаешь? Ну-ка, брось дурить! – всполошился водитель. Сидевшие рядом нанайки вскрикнули, попрятав широкие лица в своих сумках. Кто-то дико завопил: до всех вдруг дошло, что же Кася выискивает в своих штанах.

– У меня мочевой пузырь больной, – продолжал подливать масла в огонь Кася. Даже у Димки появилось желание сбегать по малому. Он уже не сомневался, что Касе по-настоящему приспичило. Весь автобус очнулся от спячки и загудел, как пчелиный улей.

– Ты в натуре, тему просекай! Потом жалеть будешь, – уже вникнув в происходящее, пригрозил Пашка, делая вызывающие жесты руками. В этот момент автобус резко затормозил, и водила нехотя стал вылезать из своего места, прихватив небольшую монтировку:

– Я сейчас вам покажу мочевой пузырь. Я покажу вам тему, выродки!

Этого и добивался Кася. Быстро вытащив с нижней ступеньки деревянную заглушку, он ловко открыл заднюю дверь и подпер ногой:

– Остап, Пахан. Сваливаем! Демьян, давай быстрее! Ты что, хочешь по рогам схлопотать?

Пока разъяренный водитель пробирался через плотные ряды сумок и чемоданов, ребят уже сдуло ветром через заднюю дверь.

– Ну, сволочи! Ну, сукины дети! Попадётся вы мне на обратной дороге!

Водитель разорвался на полную, нисколько стесняясь в крепких выражениях, однако, выйдя из автобуса дальше двери не пошёл. Заметив у Пашки в руке увесистый придорожный камень, он стал делать вид, что проверяет исправность лобовых дворников. Сам Пашка выглядел солидно, не многим уступая шофёру в росте. Он уже прицелился в заднее стекло, но Остап вовремя перехватил руку.

– Пашок кончай смуту нагонять. Проехали.

– Да мне наплевать на его стекла! Его же по-человечески попросили остановить. Ну что ты вылупился? Ну, давай! Чё! Зассал? Думал шпана, так и в храбряки перед бабками полез, – понесло Пашку.

Оглядевшись по сторонам, водитель грязно выругался и, помахав для острастки монтировкой, скрылся в автобусе. Машина взревела, зачихала и, выплюнув сноп вонючего дыма, поползла в длинный подъём.

В одно мгновение приступы поноса и недержания мочи сменились истерическим смехом.

– Ну ты, Кася, клоун! Я чуть сам не обмочился.

– И мне приспичило, – кивая головой присоединился Андрей.

– Вам смешно, а я действительно на горшок хочу. Всю дорогу терпел.

Подобрав штаны, Кася поплелся к мосту.

– Ну, ты даешь! Тебе в цирке надо работать.

– Я дрессировке не поддаюсь, я свободный зверь. Кстати, Пахан, мы почти на месте, считай что дома. Осваиваетесь пока, я не долго.

Вскоре Кася, довольный, вылез из-под моста, сияющий, с уже вымытой физиономией.

– Водичка – слеза. Если по большому кто захочет, то там в аккурат два камня из воды торчат. Ну, в общем, не мне вас учить.

Кася заметно оживился, осматриваясь по сторонам. Это была его стихия.

После холодной речки усталость от долгой дороги сняло в один миг.

– Ну, ты, Демьян, и морж, – ревел Пашка, наблюдая за тем, как брат барахтается в прозрачном потоке. – Я бы ни за что не полез в воду.

– Он же не курит, как мы. Кто не курит и не пьёт, тот здоровеньким помрёт, – язвил Кася, подмигивая Димке.

Андрей уже стоял в узком коридоре уходящей в темный лес, давно неезженной дороги. Словно не решаясь сделать первый шаг на встречу новому приключению, он смотрел то на друзей, то в эту сумрачную глубину. Его волнение передалось и всем остальным. От деревьев исходил запах хвои и сырости, лес был темным и прохладным. Среди сплошной стены сумрачных и старых елей виднелась едва заметная просека. Это и была та самая дорога в уже давно сгоревший дотла от страшного лесного пожара нанайский поселок Бихан. Было такое ощущение, что дорога вела в никуда, в какой-то потусторонний, запретный мир. Дима никак не мог объяснить, почему у него возникла такая мысль, но ему стало жутковато. Всюду светило яркое солнце, дорога же оставалась сумрачной и тихой, даже птиц вокруг не было слышно. На какое-то мгновение ему почудилось, что дорогу охраняют невидимые лесные духи. От этой мысли он даже поёжился.

– Ну, чего приуныл, Демьян. Страшно? Это по первой. С непривычки всегда так, а потом привыкаешь. Всё парниша, обратной дороги нет, теперь только вперёд. Времени в обрез, так что ноги в горсть и не стонать. Темнота не за горами, а нам пехом двадцать километров топтать. – Кася привычно подтянул джинсы, при этом несколько раз подпрыгнув пружинкой, ту же затянул шнурки на кедах, и ходко зашагал по земляной дороге, не дожидаясь друзей.

– Значит, говоришь, так ни разу и не закурил? – отозвался во время возникшей паузы Володя. Я немного затушеввался, не зная как ответить на вопрос, чтобы не соврать.

... – Ладно, можешь не открывать свою тайну. Вообще-то, в жизни всё надо попробовать, кроме одного. Предательства. А ты молодец! Есть сила воли, значит. А что братуха? До сих пор «пыхтит», в смысле, балуется коноплей?

Я замотал головой, про себя удивляясь, как все же Пашке удалось вылезти из этой ямы, в которой он сидел до самой армии, увязнув по самые уши.

– Я сдал его.

– Не понял. – Володька замотал головой. – Брата, ментам сдал?

– Нет, что ты... В военкомат.

– Расскажи, интересно.

– Ему повестки уже приходили, в армию, а он их в унитаз. Надоел он всем дома. Мы тогда уже не дрались, но ругались каждый день. Я уже в технаре учился, на топографа, а там военная кафедра, в армию не забирали. А он дурака валял, ни работал, ни учился. Бухал. А тут и мне повестка пришла. Я с ней и пошёл. Комиссию прохожу, а про технарь молчу. Так до анкеты и дошёл. А там же члены семьи пишутся. Я Пашку и вписал в графе, где родственников указывают. У тех глаза на лоб. Спрашивают, где мол, брат? Дома, говорю, спит на диване. Они за ним сразу послали. Так его и загребли. Он до сих пор не знает, по чьей вине в армию попал.

– Ты не сдал его, Дима. Ты его от тюрьмы спас. Таким одна дорога – зона.

Я пожал плечами, но про себя, конечно же, согласился.

– Стыдно мне перед ним, неудобно как-то.

– Чего же так? – спросил Володька, бросив короткий взгляд в мою сторону.

– Предавал я его часто.

– Это по детству что ли? Это паря дело молодое, житейское. А как? Расскажи. Может это не предательство. Может, он сам виноват был.

– Да нет, пожалуй, это предательство. Мы тогда ещё пацанами были, классе в пятом. У нас стройка рядом была. Пятиэтажка. Потом её стекляшкой прозвали, из-за витрин больших. Там подъёмный кран был, а мы на него по воскресеньям лазили, когда рабочих на стройке нет. Страшно поначалу было, но интересно. Высоко, ветер дует, стрелу раскачивает. А мы сидим в кабине, головами крутим, папиросами балуемся. Видим, Пашка к нам лезет. А рядом сидел пацан, сосед, мы его Чичулей звали, он возьми да и предложи мне. Давай, мол, скажем Пашке, что на стреле, а там воронье гнездо, в гнезде часы с золотым браслетом лежат. Оно почти на самом конце стрелы было, а вороны же любят всё блестящее. Ну и ляпнул, когда брат к нам присоединился. А на стрелу уже просто так не залезешь, но Пашка с детства отчаянный был, страха не знал. Смотрит на нас доверчиво, улыбается. «Чё, правда что ли?» Чичуля головой машет, а я молчу, словно язык у меня отнялся. Нет бы ему в лоб закатить за враньё, Генке-то. А Пашка уже на стреле. Её качает от ветра, а он по ней к гнезду лезет сверху. Вот тогда я и понял, что предал его. Страшно мне было. Кричу ему, чтоб возвращался, а он лезет себе. Потом он вернулся, растерянный. Ничего там не было. Перья одни.

– Отчаянный у тебя братик. Но мне кажется, что надо бы и поумнее быть, в пятом-то классе. Этак и в пекло можно голову сунуть.

– И в пекло совал. Он вообще-то везунчик.

– А ещё...

– Однажды он карася поймал на прудах. Лапоть такой, что едва в бидончик влез. Мне аж завидно стало, и обидно. Верно, говорят, что зависть первый из грехов. Ну и наболтал там, на озере, одному. У него кличка была Дуделя. Он постарше был года на два. На обратном пути он подкараулил нас и пристал. Что вы мол, икрянку поймали. Её отпустить надо. Пашка ни в какую. Он ему губу разбил, карася отобрал, а я стоял рядом и молчал. Ведь мы его вдвоём запросто одолеть могли.

Слушая мой рассказ, Володька сначала усмехался, но потом замолчал, уставившись в лобовое стекло. Мне стало ясно, что ему неприятно. Он долго не поворачивался в мою сторону, а потом, так же, не поворачиваясь, заговорил:

– Брату завидовать – грех вдвойне. Вы одно целое, и должны стоять друг за друга, и радоваться удачам. У казаков так.

Мне нечего было на это ответить, но я понял, что Володька необычайно добрый человек, если так демократично отреагировал на мой рассказ.

– Потом не говорили? Ну, о карасе, о вороньем гнезде... Нешто всю жизнь в себе держишь?

– Говорили как-то. Он и не помнит ничего этого. Даже не верит.

– Это потому, что он на тебя зла никогда не держал, и не завидовал.

– Это ты верно сказал. Зависти в нём никогда не было. А брат у меня молодец. Армия своё дело сделала. Он же чуть актером в кино не стал. Староват, наверное. А может, лицом не вышел. Скорее всего, его наколки помешали.

– Да, этого там не любят. Интеллигенция. Из нашего мира туда не пускают.

– А нужно ли? Мне кажется, каждый должен жить в своем мире.

– А кто определит, где свой, где чужой. Хотя, в общем, верно, – кивнул удовлетворенно Володька. – Казаки к себе тоже никого не пускали. Апусти кого случайного... Зараз предаст. Всё верно. – Глаза его уже слипались, и он зевал все чаще и чаще.

– Конопля, говоришь... Да... история. А братия вся эта у нас в Еврейке прописалась. Конопля-то море. Раздолье. Любой коровник клондайк для них. Хоть косою коси. Вот как раз где у вас с другом пасека стоит, там у них целая плантация, да не одна. Вам еще придется схлестнуться. А в Столбовом – это уже промысел. Да, в любой деревне, хоть в Никольском, хоть в Амурзете, хоть в Нагибово. Народ же нищает. Совхозы-то на глазах разваливаются, добро разворовывается. Каждый тянет, что может. А кто не может? Если бы не конопля, давно бы с голоду подошли. Хотя, что я говорю. Если работать, хозяйство держать, огород, сад... Никакого голода в помине не будет. Детей вот жалко, всё же видят, приучаются. Каждый второй пацан травку собирает. А расплачиваются знаешь чем? Палёными ружьями, мотоциклами ворованными. Мой «пятерик» тоже оттуда. Но я его купил за «бабки». Вернее, за комбикорма. У нас одно время вместо зарплаты комбикорм давали. Хочешь, продавай, а хочешь, ешь. Так-то вот. Но мой дробовик не палёный. С документами. Я его всегда беру в дорогу. Пару раз выручил меня.

– Отстреливался, что ли?

– Тоже скажешь. Ствол показал, хватило. Сразу отвалили. Шпана, а уже туда же. В разбойники.

– А как же милиция? В смысле наркомании.

Володька с удивлением посмотрел на меня:

– Ты откуда свалился? Да у нас в районе в ГАИ набирают скотников. А ты говоришь, милиция. Забудь.

Он надолго ушел в себя.

... – А в каком году ты был здесь? Ну, когда вы с вашим Касей на Бихан ходили?

– Где-то семьдесят... Уже и не помню. Восьмой или девятый. Примерно в это время.

Володька кивнул.

– Всё правильно. Тогда совсем другая жизнь была. Сейчас все изменилось. Раньше любого попутчика брали. Я таких, как вы, десятками перевозил в кузове. Сейчас нет. Не останавливаю. Разве что зимой. И то, если один стоит, или я с кем. Проедешь метров семьдесят, и стоишь, ждёшь на перегазовке, чтобы в случае чего рвануть с места. Если в кустах кто-то прячется, то сразу видно. Моего дружка вот так из машины вытряхнули, а он с зерном был. Ты

видел надпись на кабине? «Пассажиров не брать». Взял, дурак, и влип. До сих пор расплачивается с совхозом. Не могу понять, как можно на доверии злоупотреблять?

– Люди разные.

– Да какие люди. Это Дима нелюди. Ты наверное, ещё на слыхивал про таких?

То, как произнёс Володька эти слова, заставило меня передёрнуться. Что-то действительно не человеческое увидел я в образе, который нарисовал мой попутчик.

– Ты только пойми меня правильно Дима. Ты вот, человек, я это ещё в первый раз заметил. И не дай бог тебе столкнуться с нельдью. Я сегодня первый раз без дробовика. И то потому, что твое барахло даром никому не нужно. Твой скарб за километр видно. Дорога нынче как на войне. А сжигают сколько машин! Разбой. Все боятся друг друга, не верят словам, помощи не дождёшься, случись что. Вообще, порядка нет. А менты все по будкам сидят. Погоди, будем паром проезжать, сам всё увидишь. Там такие уроды промышляют...

Володька долго изливал душу по поводу наступивших времен, и того, что эти времена делают с людьми. Он только успевал закуривать очередную сигарету и с облегчением выпускать белый сноп дыма.

– Потерпи уж. Без табака не выдержи. Пупок сразу развяжется. Раньше почти не курил. До армии вообще ни разу не затянулся. А как первая жена ушла... – Он глубоко вдохнул дым, и долго не выдыхал. – Так и задымил. С тех пор только и мечтаю бросить. А рука сама тянется. Когда один на один с дорогой, пока закуришь, пока прикуришь, пока выдохнешь, кажется, время летит быстрее.

Я немного сочувствовал Володьке, и в то же время позавидовал, а он продолжал про свою жизнь:

– А деревня у вас хорошая. Старинная. Красивое место. Лес рядом, Столбуха, речка. Поля до горизонта. Вечером солнышко садится, как яблоко розовое – любо дорого глазу. Правда, балбесов хватает. Народ там весёлый, палец в рот не клади. И у меня там родственники есть. А так – пьют, воруяют, как обычно. Коней в основном. Это же выселок был для нерадивых казаков. Короче, весело. Главное – не сидеть, не лениться. И все будет хорошо. Слова на ветер не бросай, к людям с душой, но без заискивания. Этого не любят. Со временем поймёшь с кем общаться, а с кем дружить. А кто бухает, таких сразу узнаешь, таких везде навалом, этих сразу видать, и по одежде, и по дворам: в дом зайдёшь – свинарник, полы не моются вообще. Стены черные годами. Короче, полный голяк. Дети грязные, некормленные. На таких не обращай внимания, – Володька почему-то посмотрел на мои руки. – А у тебя всё правильно, руки на месте. Вон, какие вещи делаешь сам. Бедствовать не будешь. Кому прикладик для ружьица, кому топоришко, кому ножичек... Жена шьёт, говоришь? Всё... Не пропадёшь. Хорошие люди сами к тебе придут. Только самогон не продавай. Никогда. Тогда не будет тебе жизни, ни днём, ни ночью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.